

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Л. Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ
ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА
GUMILYOV EURASIAN
NATIONAL UNIVERSITY

Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2015»
атты X Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
X Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2015»

PROCEEDINGS
of the X International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2015»

УДК 001:37.0
ББК72+74.04
Ғ 96

Ғ96

«Ғылым және білім – 2015» атты студенттер мен жас ғалымдардың X Халық. ғыл. конф. = X Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2015» = The X International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2015». – Астана: <http://www.eni.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie-2015/>, 2015. – 7419 стр. қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-9965-31-695-1

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001:37.0
ББК 72+74.04

ISBN 978-9965-31-695-1

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2015

полагает исследователь, «фиксирует события и действия, существенно меняющие или человека, или взаимоотношения людей, или ситуацию в целом», а в хроникально-бытовом времени событий как таковых нет, и всё происходящее никак не влияет на персонажей и не двигает сюжет от завязки к развязке [7].

И.Б. Роднянская противопоставляет хроникально-бытовое время и событийное (изначально – приключенческое), а также отмечает значимость «переломного, кризисного времени решающих испытаний, измеряемого немногими днями и часами» [8] как наиболее весомые «открытия» в хронопоэтической сфере литературоведения. В.Е. Хализев перечисляет разновидности художественного времени, не давая определений и примеров. Однако именно он разграничивает такие виды времени, как космическое, календарное, суточное, а также пишет о соотнесённости прошлого, настоящего и будущего [9].

С точки зрения Д.С. Лихачёва, художественное время в словесном произведении может быть «открытым» и «закрытым». «Открытое» время предполагает наличие других событий, совершающихся одновременно за пределами произведения, его сюжета; «закрытое» время замкнуто в себе, совершается только в пределах сюжета и не связано ни с событиями, совершающимися вне пределов произведения, ни с историческим временем.

В заключении можно сказать о том, что художественное время является не только важнейшей категорией человеческого бытия, но и фундаментальным элементом текстовой организации.

Список использованной литературы

1. Лихачёв Д.С. Время в произведениях русского фольклора // Дмитрий Сергеевич Лихачёв. – Русская литература. – Л., 1962. – №4. – С. 46.
2. Бурсов Б.И. Лев Толстой. М., 1960. С. 385-388.
3. Юрий Михайлович Лотман – О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: «Искусство-СПб». – 1997. – 848 с. – С. 621–658.
4. Гуревич А.Я. Средневековый хронотоп / А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С. 5–138.
5. Есин А.Б. Время и пространство / А.Б. Есин. Литературоведение. Культурология. Избранные труды. – М.: Флинта: Наука. – 2002. – с. 95.
6. Художественное время, пространство, событие / Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. В двух томах. Том 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика: Учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – с. 182.
7. Лихачёв Д.С. / Д.С. Лихачёв. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 55-56
8. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. Исследования по теории искусства // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. – С. 79–421.
9. Художественное время, пространство, событие / Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. В двух томах. Том 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика: Учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – С. 179–186.

УДК 821.512.122:82-3

ТУРГЕНЕВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.О.АУЭЗОВА

Лесбай Жансая

js.143_96@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель - Тусупова А.К.

Творчество М.О.Ауэзова как и его знаменитый роман «Путь Абая» был предметом литературоведческого анализа в казахской, русской и зарубежной критике и литературоведении на протяжении более полувека. За это время в казахском литературоведении сложилась и развивается целая отрасль - ауэзоведение. Начиная с первых критических откликов казахских литературоведов о прозе молодого писателя до глубоко философского осознания пути выдающегося писателя – во всех исследованиях и статьях, критических работах, эссе и воспоминаниях – встает вопрос о национальном своеобразии прозы М.О.Ауэзова и о влиянии русской и зарубежной литературной традиции на его творчество.

Эта проблема стала актуальной в связи с выходом в свет романа-эпопеи «Путь Абая», большим количеством критических и читательских откликов, всесоюзной, а затем всемирной славы писателя. Сам писатель в интервью, а затем и в автобиографии отмечал особое триединство традиций, добавляя, что будущему исследователю надо найти следы его творческой учебы у Тургенева и Толстого. Проблема русских литературных традиций в творчестве Ауэзова, своеобразие интерпретаций писательского опыта русских классиков неоднократно становилась темой диссертационных исследований: Д.Кунаева «Мухтар Ауэзов и русская литература», С. Мухашовой «М. Ауэзов – переводчик советской драматургической классики».

Не секрет, что выдающееся произведение казахской литературы активно использовалось также в идеологических целях. Советская система создала прецедент так называемой учебы у русских классиков, сделав «учениками» выдающихся деятелей национальных литератур, что вызывало сложные и неприязненные чувства у образованной части народа.

Изучение творчества М.О.Ауэзова в аспекте международных литературных связей началось с 60-ых годов XX века. Через столетие определились важные тенденции компаративистского осознания творчества классика казахской литературы; во-первых, различные формы взаимосвязей с русской литературой, во-вторых, опосредованные отношения с литературами западной Европы (французской и немецкой), в-третьих, влияние ауэзовского творчества на литературы Востока и, в первую очередь, на тюркоязычные литературы, в-четвертых, связи творчества классика с арабской и персидской литературами.

Осознавая актуальность каждого направления, остановимся, однако, на проблеме влияния русских литературных традиций на творчество М.О.Ауэзова, изменение, трансформацию этих традиций, их дальнейшее развитие в тексте выдающегося романа-эпопеи «Путь Абая».

М. Ауэзов, говоря о влиянии на него русской литературы, на первое место ставил не Толстого, а И.С.Тургенева. Об этом, в частности, вспоминает ученый-востоковед, академик И.С.Брагинский, беседовавший с писателем. Ауэзов ему сказал: «Знаете ли Вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь. Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно.

Литературное влияние – это не простая вещь, его только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние проходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всегда заметно для невооруженного взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всех и любил смолоду» . [1]

Современные исследователи обзорно представляют проблему русско-казахских литературных связей в романе-эпопее «Путь Абая». Следует сказать, что признание факта влияния отнюдь не означает принижение самобытности литературы, которая это влияние воспринимает. Напротив, интерес к художественным достоинствам другой литературы говорит о широте мысли и кругозоре писателя, его умении видеть перспективы развития родной литературы не в стороне от мирового литературного процесса, а в органической связи с ним.

М. Ауэзов, как и И.С. Тургенев, в своих произведениях намечает круг проблем для дальнейшего развития сюжета, прояснение которых невозможно без такого понятия, как мотив. С современной точки зрения мотив есть не только явление композиции, но и сюжета. Одним из важных мотивов в творчестве И.С.Тургенева и М.Ауэзова является мотив природы.

Русская литература необычайно богата философскими размышлениями о жизни природы. Мотив природы Тургенев часто связывает с темой любви. Так, в повести «Первая любовь» используется традиционный прием: проводится параллель между картиной природы и психологическим состоянием героя. Психологическое состояние влюбленного юноши показано в движении – от бурных порывов чувства к душевному умиротворению. Душа человека, охваченного любовью, словно находится во власти стихии. Такое представление глубоко характерно для Тургенева, рассматривавшего любовь как проявление в человеке некоего иррационального природного начала. Вслед за Тургеневым М. Ауэзов отражает в пейзажных зарисовках чувства своих героев. Поэтому так волнует главного героя Абая Семей-гора, манит родственную душу своим одиночеством: «...Семей-гора! Отчего тебе судьба – быть столь одинокой? Что за горькая доля? Какой гнев в степи выплеснул тебя в этот мир?» [2]

Мотив природы у Тургенева тесно связан с музыкой, а у Ауэзова – с народными напевами. Именно музыка и отношение к ней является идеальным мерилем тургеневских характеров. В «Дворянском гнезде» почти все герои музицируют, однако они и резко противопоставлены по восприятию ее чарующей силы. Так, внезапно услышав игру Лемма, Лаврецкий на фоне природы испытывает непередаваемое волнение, то Паншину музыкальность не свойственна, она чужда его сухой и прагматичной натуре. Как же мотив музыки преломляется в творчестве М. Ауэзова? Для возлюбленной Абая Тогжан его песня, плывущая по бескрайним просторам Сары-Арки, – «...это исповедь сердца, взволнованного глубокими чувствами, изливавшего юную печаль...»[3] Совсем по-другому относится к напевам, долетавшим из тьмы ночи, Кунанбай: «Пусть замолчит, не воет...Он покой мой отнял!»[3] Такой упорной и назойливой казалась ему песня любви.

Постигая образ природы в творчестве Тургенева и Ауэзова, можно увидеть закономерную последовательность движения от эстетического любования красотой пейзажа – к осознанию родства в проявлении стихийных сил природы и человеческих чувств – и далее – к пониманию сложной и противоречивой природы человеческой души.

Как известно, роман «Путь Абая», будучи первым произведением такого типа в казахской литературе, имел предшественников в русской и зарубежной литературе, которые послужили почвой для его создания.

Одно из самых дискутируемых произведений И.С.Тургенева «Отцы и дети», в котором отразилась не столько поколенческая, сколько идеологическая проблема отношения к прогрессу, причем национально выраженная – в соответствии с представлением русского общества 60-х годов XIX века.

Сам Ауэзов неоднократно говорил о романе «Отцы и дети» Тургенева, раскрывшем не столько поколенческую, сколько идейную несовместимость. Эта сложная идея отразилась и в одной из важнейших сюжетных линий романа- взаимоотношения отца и сына – Кунанбая и Абая, и далее – взаимоотношениях Абая с братьями-Кудайбергенем, Такежаном, Оспаном. Конечно, противостояние отца и сына возможно наблюдать во многих произведениях мировой и, прежде всего, французской литературе. Но особенное отличие их от романов любимого Ауэзовым Тургенева состоит в том, что непонимание и вражда поколений, то есть аспект несовпадения во времени перенесен русским писателем в сферу идейную.

Поэтому у Ауэзова не только Кунанбай – вождь и глава патриархального общества, не менее подвластен и молодой Такежан влиянию старого мира, и Оспан также несет в себе родимые пятна своей среды.

Ауэзовский роман не только показывает распад патриархальной семьи, старых устоев, но и утверждает закономерность этого процесса. Именно в этой патриархальной среде рождается, растет критик и ярый враг ее – это Абай. Мотив борьбы отцов и детей у Ауэзова

национально окрашен и является главным в романе-эпопее «Путь Абая».

Список использованных источников

1. И.С.Брагинский. Ученый-поэт. Народы Азии и Африки, 1961, №6. – С.240
2. М. Ауэзов «Путь Абая». Роман-эпопея, книга II. Перевод А.Кима. Алматы, И.Д. Жибек жолы, 2007г. – С.22
3. М. Ауэзов «Путь Абая» роман-эпопея, том I. Перевод Л.Соболева. Алматы, Жазушы, 1987г. – С.602-603

УДК 821.512.122:82-3

ЗАГЛАВИЕ КАК РАМОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЗАГЛАВИЙ КАЗАХСТАНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Маратова Жамал Жанатовна

zhibeka_m07@mail.ru

студент Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, Астана,
Казахстан

Научный руководитель – Нургали К.Р.

В наше время происходят различные изменения, касающиеся абсолютно всех сфер деятельности человека. Подобные трансформации затронули и литературу, которая издревле отражала современную для авторов действительность.

Так, долгое время предметом литературоведческого анализа являлся литературный текст. В то время как современное литературоведение наряду с текстом подвергает анализу компоненты, которые ранее находились на периферии исследовательского внимания. Последние принято называть рамочными компонентами или «рамой».

Данный термин впервые был введен А.В.Ламзиной и обозначает «компоненты, которые графически отделены от основного текста произведения и чья основная функция – создание у читателя установки на его эстетическое восприятие»[1].

Наиболее полный перечень компонентов рамочного текста включает: *имя (псевдоним) автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф(ы), предисловие (вступление, введение)* (все эти компоненты «начала» текста в совокупности именуются *заголовочным комплексом*), авторские *примечания*, авторское *послесловие*, *внутренние заглавия*, составляющие *оглавление*, обозначения *времени и места* создания произведения. Наличие рамочных компонентов придает произведению характер завершенности, подчеркивает его внешнее и внутреннее единство. Каждый рамочный компонент представляет собой особый микротекст, который обладает собственной семантикой. Именно поэтому каждый из них заслуживает отдельного рассмотрения.

В данной работе рассмотрению подвергнется заглавие как один из важнейших рамочных компонентов текста. Актуальность работы обусловлена объектом исследования, которым выступили заглавия современной казахстанской прозой.

Как известно, заглавие – это определение содержания литературного произведения, помещаемое обычно впереди последнего [2], также оно может быть «ведущим в книгу словосочетанием, выдаваемым автором за главное книги».[3].

Название - важная единица метатекстуального уровня; это особый маленький текст, который взаимодействует (часто на ассоциативном уровне), коррелирует с текстом последующим и с другими такими же текстами, образуя особые, над-текстовые системы отношений [4].

А.В.Ламзина определяет заглавие как: «первую, графически выделенную, строку текста, содержащую «имя» произведения» [1].

Для читателя заглавие, наряду с именем автора, является основным источником